

В бескрайнем мире Хунхуан горы Десяти Тысяч, словно извивающийся гигантский дракон, протянулись на юге. Гора Тяньму расположилась в самом сердце этого горного массива, в двухстах миллионах ли к востоку от горы Фэнси.

В долине у подножия Тяньму, обычно тихой и безмятежной, сейчас царила гнетущая, скорбная атмосфера. С небес лил кровавый дождь — казалось, сам небосвод горько плачет, и мир погрузился в бездонную печаль, пропитанную холодом и безысходностью.

Суйжэнь стоял неподвижно, глядя в небо. Его лицо выражало крайний ужас, он застыл, словно онемевший от страха, а губы едва заметно дрожали. Лишь спустя долгое время, словно очнувшись от оцепенения, он пробормотал:

— Увы, неужели пал Хунъюнь, Врожденное Великое Божество?

Голос его звучал тихо, но в тишине долины каждое слово отозвалось отчетливо, сквозило глубокой скорбью и неверием.

— Неужели и вправду мелкие перемены возможны, а великий ход судьбы неизменен?

Суйжэнь нахмурился, в глазах его читались смятение и растерянность. В мире Хунхуан он прекрасно понимал, что каждое Врожденное Великое Божество обладает необычайной силой и влиянием, но даже такие существа, по-видимому, не могли вырваться из оков, уготованных судьбой.

Гибель предка Хунъюня ударила по нему, словно тяжелый молот, заставив глубоко задуматься о причинно-следственных связях, о превратностях судьбы, но в то же время погрузила в пучину бессилия.

Солнце медленно клонилось к закату. Оранжево-красные лучи, пробиваясь сквозь кровавый дождь, окрасили всё вокруг в еще более зловещие и скорбные тона. Под светом уходящего солнца капли дождя казались бесчисленными слезами, рассказывающими о горе мира, и каждая капля, падая, словно ударяла прямо в сердце Суйжэня, отягощая его душу.

Когда солнце скрылось за горизонтом и сгустились сумерки, Суйжэнь медленно поднялся на вершину горы Тяньму. Он стоял там, глядя потухшим взором на оставшуюся полоску алого зарева, словно лишившись души — подавленный и сломленный.

В этот миг он мечтал лишь об одном: найти тихий уголок, где можно было бы отдохнуть, укрыться от бесконечной суеты. Он не хотел ни о чем думать, желая лишь одного — опустошить разум и погрузиться в этот миг тишины, чтобы хоть на время забыть о тоске, сжимающей сердце, и о пугающей неопределенности будущего.

Ночь опустилась на землю, словно черный шелк, а на небе замерцали звезды, похожие на

драгоценные камни. В наступившей тишине зазвучала ночная симфония: мягкий шепот ветра и редкое стрекотание насекомых сплелись воедино, словно мир Хунхуан исполнял поминальную песнь по ушедшему Врожденному Божеству.

Суйжэнь продолжал стоять на вершине, словно одинокое изваяние, сливаясь с ночным мраком и погружаясь в свои тяжелые думы.

— С тех пор как я обрел сознание на горе Фэнси, прошло уже более тысячи пятисот лет.

Он слегка поднял голову, словно пытаясь сквозь необъятную звездную высь разглядеть события прошлого. Тогда, под защитой Нюйвы и Фуси, дни текли хоть и просто, но спокойно, и он был полон радужных надежд на будущее.

— Раньше я думал, что достаточно укрыться под крылом Нюйвы и Фуси, чтобы вечно прятаться в этом мире Хунхуан, подобно муравью в расщелине камня, не боясь ни ветра, ни дождя. Я надеялся дотянуть до скончания времен, мечтал однажды сам стать великим, а больше всего — верил, что раса людей станет хозяевами этого мира. Какая же это была бы прекрасная картина!

Суйжэнь горько усмехнулся, покачав головой:

— Но если вдуматься, возможно ли это?

В его глазах мелькнула печаль. Он оглядел темный, таящий опасности мир Хунхуан и продолжил:

— Хунхуан — это мир, живущий по законам джунглей, где слабый становится добычей сильного. Здесь нет вечного покоя, лишь бесконечная борьба и перемены. Даже такие могущественные Врожденные Божества, как Хунъюнь, обладавшие святой силой, в итоге пали. А я? Я здесь всего лишь ничтожная креветка. Разве смогу я долго выживать в этом мире, полном бушующих волн? Я ведь не бабочка с другого берега океана, способная взмахом крыльев вызвать эффект бабочки.

Если великий ход Небесного Пути нельзя изменить, то, согласно записям будущих поколений, расу людей ждут бесчисленные испытания. Они будут громоздиться, словно горы, не давая вздохнуть, и даже поставят народ на грань вымирания.

Суйжэнь говорил это с тревогой, словно уже видел трагическую судьбу своего народа.

— Если эти страдания неизбежны, как я могу остаться в стороне? Я сам часть расы людей, моя судьба неразрывно связана с ними. Если им грозит беда, как я могу оставаться безучастным? Если я отрекусь от своего народа, боюсь, Нюйва и Фуси в мгновение ока сотрут меня в порошок, уничтожат и плоть, и дух, не оставив ни единого шанса на спасение.

При мысли об этом Суйжэнь вздрогнул. Зная, как Нюйва и Фуси относятся к человечеству, он понимал: бежать некуда.

— Даже если они проигнорируют мой уход, как я выживу без их защиты в этом мире, полном хищников? У меня нет ни силы, ни связей, ни могущественных артефактов. Мечтать о том, чтобы отсидеться, пока не стану великим — это просто бред сумасшедшего.

Даже Врожденные Божества сбиваются в стаи, ищут поддержки друг у друга, но и они не могут быть уверены, что переживут Катастрофу У-Яо.

Суйжэнь обвел взглядом окрестности, словно видя скрытые в тених угрозы.

— Сейчас эпоха Катастрофы У-Яо, подобная буре, сметающей всё на своем пути. Никто не может остаться в стороне. Чтобы выжить в этой катастрофе, мне придется и дальше искать защиты у Нюйвы и Фуси.

Суйжэнь глубоко вздохнул, принимая решение:

— В то же время я должен вести человечество к развитию и процветанию. Только если мой народ станет сильным, у меня появится опора, и, возможно, появится шанс выжить. Ох, как же трудно просто выжить! Неужели, едва появившись на свет, я уже получил задание на самоуничтожение?

Суйжэнь беспомощно вздохнул, и этот звук эхом разнесся в ночном небе, пропитанный горечью и растерянностью перед будущим. Но он знал, что отступать некуда, придется стиснуть зубы и искать ту самую нить надежды в этом опасном мире.

На вершине горы Тяньму серебристый лунный свет, смешанный с пурпурным сиянием звезд, мягко ложился на землю, придавая вершине призрачный, сказочный вид. Суйжэнь стоял неподвижно, погруженный в глубокие раздумья. Он то хмурился, то расслаблял лицо, его терзали внутренние противоречия. Он расхаживал по вершине, то и дело тяжело вздыхая.

Спустя час, словно наконец сбросив оковы сомнений, он глубоко вдохнул и проговорил:

— Хватит предаваться унынию. Раз уж решил полагаться на покровительство Нюйвы и Фуси, нужно думать, как развивать человечество и как выжить в этой катастрофе.

Суйжэнь продолжал расхаживать, бормоча себе под нос:

— Я — прародитель людей. Конечно, я не могу совершить подвиг, пролив кровь ради народа, но в моей голове — весь багаж знаний будущих поколений. Эти знания, этот опыт должны стать путеводной звездой для новорожденной расы.

В его глазах мелькнула уверенность, но тут же сменилась тревогой.

— История развития человечества шла от первобытного общества к матриархату, затем к рабовладельческому, феодальному и, наконец, к социалистическому. Это нормальный ход развития в моем прежнем мире. Но здесь — Хунхуан, мир мифов, здесь всё иначе, и развитие не должно быть таким медленным. Как же ускорить прогресс?

Суйжэнь в одиночестве бродил по вершине. Время шло. Внезапно он замер, словно пораженный озарением. Он подпер подбородок рукой, глаза его вспыхнули.

— Нюйва и Фуси заставили людей переселиться, чтобы те в страданиях обрели разум. Если всё или хотя бы часть человечества обретет разум, они смогут совершенствоваться. С их природными задатками, как только они начнут культивировать Изначальный дух, раса людей сможет быстро развиваться. Вот оно — просвещение разума сейчас важнее всего!

— Просвещение? — он снова нахмурился. — Но как? Я обрел разум, потому что пробудил душу человека из будущего, в которой заложена система знаний. Это исключение, это нельзя брать за пример. Нюйва и Фуси тысячу лет наставляли людей, но те едва научились выживать. Их знания — как небесные письма для младенцев. Даже если сам Святой будет учить их высшей математике, они ничего не поймут.

Суйжэнь чувствовал, как начинает болеть голова.

— Что же делать? Неужели действительно нужно пройти через те страдания, о которых говорили Нюйва и Фуси? Но времени у нас нет.

В глазах его застыла тревога. Он знал, что в мире Хунхуан время — это жизнь.

— Вспомню-ка я... Младенцы в будущем тоже слабы, их разум — чистый лист. Они учатся, подражая поведению родителей, перенимая простейшие навыки, и постепенно формируют собственное мышление. Люди Хунхуан — создания Врожденные, сильные телом и гибкие умом, они должны учиться быстрее.

После долгих раздумий в глазах Суйжэня загорелся огонек надежды. Он нашел путь:

— Значит, нужно начинать с обучения базовым навыкам, с формирования основ познания, чтобы постепенно выстроить собственную систему цивилизации.

Незаметно ночь отступила. Первые лучи утреннего солнца, словно золотые нити, коснулись земли, смывая ночную пыль и знаменуя начало нового дня. Тепло коснулось лица Суйжэня, пробуждая его от глубоких раздумий.

Он простоял на вершине всю ночь. Эти размышления в долгой истории человечества могли

показаться лишь крошечной волной, не оставившей следа, но для самого Суйжэня эта ночь стала переломной. Она навсегда изменила его отношение к происходящему — он перестал быть сторонним наблюдателем. С этого мгновения он по-настоящему влился в мир Хунхуан, в историю человечества, став той искрой, что, пусть и слабая, несла в себе потенциал пожара, закладывая семена надежды для рождения человеческой цивилизации.

<http://bllate.org/book/18513/1779534>